

Бунин Иван Алексеевич

10(22).10.1870 — 8.11.1953

И. А. Бунин родился 10(22) октября 1870 года в небогатой дворянской семье в Воронеже. Обнищавшие помещики Бунины принадлежали знатному роду, среди их предков — В. А. Жуковский и поэтесса Анна Бунина.

В 1874 Бунины переехали из города на хутор Бутырки, в Елецкий уезд Орловской губернии, в последнее поместье семьи. В деревне от матери и дворовых маленький Ваня «наслушался» песен и сказок. Воспоминания о детстве — лет с семи, как писал Бунин, — связаны у него «с полем, с мужицкими избами» и их обитателями. Он целыми днями пропадал по ближайшим деревням, пас скот вместе с крестьянскими детьми, ездил с ними в ночное, с некоторыми из них дружил. Подражая подпаску, он и сестра Маша ели черный хлеб, редьку, «шершавые и бугристые огурчики», и за этой трапезой, «сами того не сознавая, приобщались самой земли, всего того чувственного, вещественного, из чего создан мир», — писал Бунин в автобиографическом романе *«Жизнь Арсеньева»*. Уже тогда с редкой силой восприятия он чувствовал, по собственному признанию, «божественное великолепие мира» — главный мотив его творчества. Именно в этом возрасте обнаружилось в нем художественное восприятие жизни, что, в частности, выражалось в способности изображать людей мимикой и жестами; талантливым рассказчиком он был уже тогда. Лет восьми Бунин написал первое стихотворение.

На одиннадцатом году он поступил в Елецкую гимназию. Учился сначала хорошо, все давалось легко; мог с одного прочтения запомнить стихотворение в целую страницу, если оно его интересовало. Но год от года учение шло хуже, в третьем классе остался на второй год. Учителя в большинстве были люди серые и незначительные. В гимназии он писал стихи, подражая Лермонтову, Пушкину. Его не привлекало то, что обычно читают в этом возрасте, и он читал, по его словам, «что попало».

Гимназию он не окончил, учился потом самостоятельно под руководством старшего брата Юлия Алексеевича, кандидата университета.

С осени 1889 года началась его работа в редакции газеты «Орловский вестник», нередко он был фактическим ее редактором; печатал в ней свои рассказы, стихи, литературно-критические статьи и заметки в постоянном разделе «Литература и печать». Жил он литературным трудом и сильно нуждался. Отец разорился, в 1890 году продал имение в Озерках без усадьбы, а лишившись и усадьбы, в 1893 году переехал в Каменку к сестре, мать и Маша — в Васильевское к двоюродной сестре Бунина Софье Николаевне Пушешниковой. Ждать молодому поэту помощи было неоткуда.

В редакции Бунин познакомился с Варварой Владимировной Пашенко, дочерью елецкого врача, работавшей корректором. Его страстная любовь к ней временами омрачалась ссорами. В 1891 году они стали жить семьей, но брак их не был узаконен, жили они не венчаясь, отец и мать не хотели выдавать дочь за нищего поэта. Юношеский роман Бунина составил сюжетную основу пятой книги *«Жизни Арсеньева»*, вышедшей отдельно под названием *«Лица»*. Вряд ли можно назвать другого русского писателя, который бы с таким самозабвением, так порывисто выражал свое чувство любви, как он в письмах к Варваре Пашенко, соединяя в своих мечтах образ со всем прекрасным, что он обретал в природе, в поэзии и музыке.

В конце августа 1892 года Бунин и Пашенко переехали в Полтаву. Братья Бунины входили в редакцию «Полтавских губернских ведомостей», находившихся с 1894 года под влиянием прогрессивной интеллигенции. Бунин помещал в этой газете свои произведения. По заказу земства он также писал очерки «о борьбе с вредными насекомыми, об урожае хлеба и трав». Как он полагал, их было напечатано столько, что они могли бы составить

три-четыре тома. Теперь стихи и проза Бунина стали чаще появляться в «толстых» журналах — «Вестнике Европы», «Мире Божьем», «Русском богатстве» — и привлекали внимание корифеев литературной критики. В эту пору лирика Бунина приобрела более объективный характер; автобиографические мотивы, свойственные первому сборнику стихов (он вышел в Орле приложением к газете «Орловский вестник» в 1891), по определению самого автора, не в меру интимных, постепенно исчезали из его творчества, которое получало теперь более завершенные формы.

В 1893–1894 Бунин, по его выражению, «от влюбленности в Толстого как в художника», был толстовцем и «прилаживался к бондарному ремеслу». Он посещал колонии толстовцев под Полтавой и ездил в Сумский уезд к сектантам села Павловки — «малеванцам», по своим взглядам близким к толстовцам. В самом конце 1893 он побывал у толстовцев хутора Хилково, принадлежавшего князю Д. Хилкову. Оттуда отправился в Москву к Толстому. Встреча произвела на Бунина, как он писал, «потрясающее впечатление». Толстой и отговорил его от того, чтобы «опрощаться до конца».

Весной и летом 1894 Бунин путешествовал по Украине. «Я в те годы, — вспоминал он, — был влюблен в Малороссию, в ее села и степи, жадно искал сближения с ее народом, жадно слушал песни, душу его».

1895 год — переломный в жизни Бунина: после «бегства» Пашенко, ушедшей от Бунина и вышедшей замуж за его друга Арсения Бибикова, в январе он оставил службу в Полтаве и уехал в Петербург, а затем в Москву. Теперь он входил в литературную среду. В Москве Бунин познакомился с вождем символистов В. Брюсовым, с Чеховым.

В июне 1898 Бунин уехал в Одессу. Здесь он сблизился с членами «Товарищества южнорусских художников», собиравшимися на «Четверги». В начале апреля 1899 Бунин побывал в Ялте, встретился с Чеховым, познакомился с Горьким.

1900-е были новым рубежом в жизни Бунина. Неоднократные путешествия по странам Европы и на Восток широко раздвинули мир перед его взором, столь жадным до новых впечатлений. А в литературе начинавшегося десятилетия с выходом новых книг он завоевал признание как один из лучших писателей своего времени. Выступал он главным образом со стихами.

Осенью 1900 Бунин отправился в Берлин, Париж, в Швейцарию. По возвращении из-за границы он оказался в Ялте, жил в доме Чехова. Чехов был с ним неизменно «нежен, приветлив, заботился как старший». Чехов предсказал, что из Бунина выйдет «большой писатель».

В начале 1901 вышел сборник стихов «*Листопад*», вызвавший многочисленные отзывы критики. Куприн писал о «редкой художественной тонкости» в передаче настроения. Блок за «*Листопад*» и другие стихи признавал за Буниным право на «одно из главных мест» среди современной русской поэзии. «*Листопад*» и перевод «*Песни о Гайавате*» Лонгфелло были отмечены Пушкинской премией Российской Академии наук, присужденной Бунину 19 октября 1903. С 1902 года начало выходить отдельными нумерованными томами собрание сочинений Бунина в издательстве Горького «Знание». И опять путешествия — в Константинополь, во Францию и Италию, по Кавказу, и так всю жизнь его влекли различные города и страны.

4 ноября 1906 Бунин познакомился в Москве, в доме Б. Зайцева, с Верой Николаевной Муромцевой. 10 апреля 1907 Бунин и Вера Николаевна отправились из Москвы в страны Востока — Египет, Сирию, Палестину. 12 мая, совершив свое «первое дальнее путешествие», они сошли в Одессе на берег. С этого путешествия началась их совместная жизнь. Об этом странствии — цикл рассказов «*Тень птицы*» (1907–1911). Они сочетают в себе дневниковые записи — описания городов, древних развалин, памятников искусства, пирамид, гробниц — и легенды древних народов, экскурсии в историю их культуры и гибели царств.

Проза и стихи Бунина обретали новые краски. Прекрасный колорист, он «принципы живописи» решительно прививал литературе. Предшествовавшая проза, как отмечал

сам Бунин, была такова, что «заставила некоторых критиков трактовать» его, например, «как меланхолического лирика или певца дворянских усадеб, певца идиллий», а обнаружилась его литературная деятельность «более ярко и разнообразно лишь с 1908, 1909 годов». Эти новые черты придавали прозе Бунина рассказы «*Тень птицы*». Академия наук присудила Бунину в 1909 вторую Пушкинскую премию за стихи и переводы Байрона; третью — тоже за стихи. В этом же году Бунин был избран почетным академиком.

Повесть «*Деревня*», напечатанная в 1910, вызвала большие споры и явилась началом огромной популярности Бунина. За «*Деревней*» последовали другие повести и рассказы, как писал Бунин, «резко рисовавшие русскую душу, ее светлые и темные, часто трагические основы», и его «беспощадные» произведения вызвали «страстные враждебные отклики».

Взгляд на русскую деревню выработался у Бунина отчасти под влиянием путешествий, «после резкой заграничной оплеухи». Деревня изображена не неподвижной, в нее проникают новые веяния, в ней появляются новые люди, и сам Тихон Ильич задумывается над своим существованием лавочника и кабатчика. Повесть «*Деревня*» (которую Бунин называл также романом), как и его творчество в целом, утверждала реалистические традиции русской классической литературы в век, когда они подвергались нападкам и отрицались модернистами и декадентами. В ней захватывает богатство наблюдений и красок, сила и красота языка, гармоничность рисунка, искренность тона и правдивость. Но «*Деревня*» не традиционна. В ней появились люди в большинстве новые в русской литературе: братья Красовы, жена Тихона, Родька, Молодая, Николка Серый и его сын Дениска, девки и бабы на свадьбе у Молодой и Дениски. Это отметил и сам Бунин.

«*Суходол*» и рассказы, вскоре затем написанные, обозначили новый творческий взлет Бунина после «*Деревни*» — в смысле большой психологической глубины и сложности образов, а так же новизны жанра. В «*Суходоле*» на первом плане не историческая Россия с ее жизненным укладом, как в «*Деревне*», но «душа русского человека в глубоком смысле слова, изображение черт психики славянина», — говорил Бунин.

Бунин шел своим собственным путем, он не примыкал ни к каким модным литературным течениям или группировкам, по его выражению, «не выкидывал никаких знамен» и не провозглашал никаких лозунгов. Критика отмечала мощный язык Бунина, его искусство поднимать в мир поэзии «будничные явления жизни». «Низких» тем, недостойных внимания поэта, для него не было. В его стихах — огромное чувство истории. Рецензент журнала «Вестник Европы» писал: «Его исторический слог беспримечен в нашей поэзии... Прозаизм, точность, красота языка доведены до предела. Едва ли найдется еще поэт, у которого слог был бы так неукрашен, будничен, как здесь; на протяжении десятков страниц вы не найдете ни одного эпитета, ни одного сравнения, ни одной метафоры... такое опрощение поэтического языка без ущерба для поэзии — под силу только истинному таланту... В отношении живописной точности г. Бунин не имеет соперников среди русских поэтов».

Бунина увлекало учение Сократа о ценности человеческой личности. И он видел в каждом из людей в некоторой мере «сосредоточенность... высоких сил», к познанию которых, писал Бунин в рассказе «*Возвращаясь в Рим*», призывал Сократ. Толстой был близок Бунину тем, что для него добро и красота, этика и эстетика нерасторжимы. «Красота как венец добра», — писал Толстой. Бунин утверждал в своем творчестве вечные ценности — добро и красоту. Это давало ему ощущение связи, слитности с прошлым, исторической преемственности бытия. «*Братья*», «*Господин из Сан-Франциско*», «*Петлистые уши*», основанные на реальных фактах современной жизни, не только обличительны, но глубоко философичны. «*Братья*» — особенно наглядный пример. Это рассказ, затрагивающий вечные темы любви, жизни и смерти, а не только о зависимом существовании колониальных народов.

Многое Бунин брал для прозы и стихов из русского и мирового фольклора, его внимание привлекали буддийские и мусульманские легенды, сирийские предания, халдейские, египетские мифы и мифы идолопоклонников Древнего Востока, легенды арабов.

Одним из источников его творчества была народная речь.

В мае 1917 Бунин приехал в деревню Глотова, в имение Васильевское, Орловской губернии, жил здесь все лето и осень. В октябре писатель и его жена уехали в Москву. В Москве Бунин прожил зиму 1917–1918 года, включившись в литературную жизнь, которая, несмотря ни на что, при всей стремительности событий общественных, политических и военных, при разрухе и голоде, все же не прекращалась.

В мае 1918 Бунин с женой уехали из Москвы — через Оршу и Минск в Киев, потом в Одессу; 26 января 1920 отплыли на Константинополь, потом через Софию и Белград прибыли в Париж 28 марта 1920. Начались долгие годы эмиграции — в Париже и на юге Франции, в Грассе, вблизи Канн. Бунин говорил жене, Вере Николаевне, что «не может жить в новом мире, что он принадлежит к старому миру, к миру Гончарова, Толстого, Москвы, Петербурга; что поэзия только там, а в новом мире он не улавливает ее».

Бунин в этот период написал «*Митину любовь*» (1924), «*Солнечный удар*» (1925), «*Дело корнета Елагина*» (1925), а затем «*Жизнь Арсеньева*» (1927–1929, 1933) и многие другие произведения, которые знаменовали новые достижения в русской прозе.

Современники отмечали большой философский смысл таких произведений, как «*Митина любовь*» или «*Жизнь Арсеньева*». В них Бунин прорвался «к глубокому метафизическому ощущению трагической природы человека».

В 1933 году Бунину была присуждена Нобелевская премия, как он считал, прежде всего за «*Жизнь Арсеньева*». Когда Бунин приехал в Стокгольм получать Нобелевскую премию, в Швеции его уже узнавали в лицо. Фотографии Бунина можно было увидеть в каждой газете, в витринах магазинов, на экране кинематографа. На улице шведы, завидя русского писателя, оглядывались. Бунин надвигал на глаза барашковую шапку и ворчал: «Что такое? Совершенный успех тенора».

Замечательный русский писатель Борис Зайцев рассказывал о нобелевских днях Бунина:

«...Видите ли, что же — мы были какие-то последние люди там, эмигранты, и вдруг писателю-эмигранту присудили международную премию! Русскому писателю!.. И присудили не за какие-то там политические писания, а все-таки за художественное... Я в то время писал в газете «Возрождение»... Так мне экстренно поручили написать передовицу о получении Нобелевской премии. Это было очень поздно, я помню, что было десять вечера, когда мне это сообщили.

Первый раз в жизни я поехал в типографию и ночью писал... Я помню, что я вышел в таком возбужденном состоянии (из типографии), вышел на place d'Italie и там, понимаете, обошел все быстро и в каждом быстро выпивал по рюмке коньяку за здоровье Ивана Бунина!.. Приехал домой в таком веселом настроении духа... часа в три ночи, в четыре, может быть...»

В 1936 году Бунин отправился в путешествие в Германию и другие страны, а также для свидания с издателями и переводчиками. В германском городе Линдау он впервые столкнулся с фашистскими порядками; его арестовали, подвергли бесцеремонному и унижительному обыску.

В октябре 1939 Бунин поселился в Грассе на вилле «Жаннет», прожил там всю войну. Там же он написал книгу «*Темные аллеи*» — рассказы о любви, как он сам сказал, «о ее “темных” и чаще всего очень мрачных и жестоких аллеях». Эта книга, по словам Бунина, «говорит о трагичном и о многом нежном и прекрасном, — думаю, что это самое лучшее и самое оригинальное, что я написал в жизни».

При немцах Бунин ничего не печатал, хотя жил в большом безденежье и голоде. К завоевателям относился с ненавистью, радовался победам советских и союзных войск. В 1945 году он навсегда распрощался с Грассом и первого мая возвратился в Париж. Последние годы он много болел. Все же написал книгу воспоминаний и работал на книгой

«*О Чехове*», которую закончить не успел. Всего в эмиграции Бунин написал десять новых книг.

В письмах и дневниках Бунин говорит о своем желании возвратиться в Москву. Но в старости и в болезнях решиться на такой шаг было не просто. Главное же — не было уверенности, сбудутся ли надежды на спокойную жизнь и на издание книг.

Иван Алексеевич Бунин скончался в ночь на 8 ноября 1953 года в страшной нищете. В своих воспоминаниях Бунин писал: «Слишком поздно родился я. Родись я раньше, не таковы были бы мои писательские воспоминания. Не пришлось бы мне пережить... 1905 год, потом первую мировую войну, вслед за ней 17-й год и его продолжение, Ленина, Сталина, Гитлера... Как не позавидовать нашему праотцу Ною! Всего один потоп выпал на долю ему...»

Похоронен Бунин на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем.